

в сибирских землепроходцах и лихих запорожцах. Есть буслаевские черты и в русских характерах такого масштаба, как Ермак и Степан Разин: «А с врагами речь:—Я иду на вы! // А с друзьями речь:—Только я да вы!»

С. Наровчатов продолжал работу над поэмой и после опубликования ее первого варианта. В Никоновской летописи он нашел запись о том, что в 1171 году «преставился в Новгороде посадник Васка Буславич»⁴. И хотя большинство ученых-фольклористов скептически оценивают возможность реального существования такого посадника, летописное упоминание о знаменитом новгородце стало мощным импульсом для переосмысления Наровчатовым его образа. В новой поэме сказание о дерзких подвигах удальца Васьки превратилось в песню «калик перехожих». Они поют ее живому и здоровому, но уже постаревшему Василию Буслаеву, ставшему новгородским посадником. Доработка поэмы, по мнению автора, дала ему «возможность показать характер героя в развитии». Думается, однако, что в поэме все же нет развития характера Буслаева (в привычном понимании), а есть скачок в новое качество, неожиданный, смелый поворот известной темы. И дело, наверное, не только в том, что «Молодости—буйство, // Молодости—удаль, // Молодости—воля. // Старости—власть».

У предводителя ушкуйников и главного администратора Новгорода общее только имя. Разнятся они и в главном (разрушитель «устоев и основ» и опора древнего порядка, непримиримый богоборец и «сокрушитель отступников и еретиков»), и в «мелочах». Васька—безрассуден и горяч, ни в грош не ставит кровные узы, легко раздает все, что имеет. Посадник—расчетливый политик, восседающий «посреди родни своей многоликой», его дом—скопище даров.

И все же не государственную мудрость убеленного сединами посадника славят в поэме песенники. Посадник—«камень», за ним—сила традиции, вчерашний день, а дерзкий Васька—поэтическая мечта, «прыжок» в день завтрашний. Н. Г. Чернышевский с горечью писал о соотечественниках: «Нация рабов. С низу до верху—все рабы». Но жила в народе былина о Василии Буслаеве, который не верил «ни в сон, ни в чох», отвергал библейские заповеди, утверждал свободу личности и право человека на земное счастье. «И тут Василию славы поют, // И во веки тая слава не минует»,—говорится в одной из новгородских былин. Эта глубоко пережитая, отшлифованная веками народная мысль нашла достойное художественное воплощение в талантливой поэме С. Наровчатова.

¹ Наровчатов С. С. Атлантида рядом с тобой.— М., 1972, с. 340.

² Наровчатов С. С. Избранное: Стихотворения и поэмы.— М., 1980, с. 418. Далее ссылки на это издание даны в тексте статьи.

³ Червяченко Г. А. Поэма в советской литературе.— Ростов н/Д., 1978, с. 74.

⁴ ПСРЛ, т. 9, с. 247.

И. В. ШАБЛОВСКАЯ

АВТОР. ИСТОРИЯ. РОМАН

(«Похождения бравого солдата Швейка» Я. Гашека)

Судьбы писателей складываются по-разному—одним слава сопутствует чуть ли не с первых шагов в литературе, других она находит только после смерти. Ярослав Гашек был широко популярен при жизни как журналист, автор злых фельетонов и смешных юморесок, которые регулярно появлялись в периодической печати уже с 1901 года. Однако тогда источником популярности, в меру скандальной, была прежде всего яркая индивидуальность Гашека, незаурядная личность «взрослого младенца», сыпавшего анекдотами, наделенного даром перевоплощения, мистификации, развлекавшего и забавлявшего публику, а... между делом, легко, чаще всего без черновика, создававшего превосходные маленькие фарсы, отточенные по форме и глубокие по мысли.

Немногие, как писатель И. Ольбрахт и критик М. Брод, уже тогда видели в Гашеке большого писателя. Элитарная литературная критика хранила молчание, а когда стал выходить роман о Швейке, вся буржуазная пресса ополчилась и против автора, и против его героя. Газеты отказались печатать первую книгу «Похождений бравого солдата Швейка во время мировой войны», назвав ее аморальной. Когда в 1922 году вышло четыре

издания первого и три второго томов романа, когда его популярность у широкого читателя стала очевидной, официальная критика с упорством неизвестных дам «из Союза дворянок по религиозному воспитанию нижних чинов» развернула войну против Швейка.

Сохранился официальный документ, составленный после смерти Гашека и подписанный издателем Шольцем и адвокатом Червинкой, в котором высказано почти категорическое утверждение, что роман о Швейке уже через десять лет будет неинтересен новому поколению и вряд ли вообще найдутся на него читатели. Что это? Некомпетентность? Или еще одно доказательство того, что большое видится на расстоянии, и оценка шедевра практически не под силу современникам?

Роман вызвал интерес за рубежом, первый его перевод — на немецкий — был осуществлен в 1926 году, инсценирован в Берлине Э. Пискатором, высоко оценен Б. Брехтом и К. Тухольским. В том же году Швейк «заговорил» по-русски, а затем — на многих языках народов СССР. В 1931 — 1932 годах в Белоруссии изданы четыре книги романа в переводах М. Зарецкого, К. Крапивы, М. Лужанина, К. Вашина, а также продолжение, написанное фельетонистом «Руде право» К. Ванеком, переведенное Т. Кляшторным, З. Астапенко, К. Чорным.

О Гашеке написано много: статьи, монографии на разных языках, мемуарная литература. Его произведения все чаще исследуются в контексте европейской и мировой литературы, в сопоставлениях с комическими эпopeями Рабле и Сервантеса, революционной сатирой XX века. Интересные наблюдения сделаны советскими учеными С. В. Никольским, предпринявшим попытку реконструкции замысла романа Гашека, О. Малевичем, И. А. Бернштейн.

Гашек не дожил и до сорока лет, не окончил свою большую книгу, над которой работал в последние два года жизни, после возвращения на родину из Советской России. В условиях обострившейся болезни, материальной нужды, ожесточенной травли «красного комиссара» в буржуазной Чехословакии создавалась одна из самых веселых книг, книга о бравом солдате Швейке, с неистребимой улыбкой несшем на своих плечах груз мировой бойни, книга, которой было суждено бессмертие.

Как и другие великие писатели, Гашек — прежде всего выразитель национального гения. В большей степени, чем другие, он воплотил народный тип. Стихия народного юмора и смеха, победного даже в поражении, которая покоряет в книгах Гашека, словно эхо, вторит гулу многочисленных кабачков и пивных, где бывал писатель, где он изучал характеры и нередко тут же придумывал бесхитростные истории. «Во всех этих анекдотах и рассказах, — пишет известный чешский литературовед, автор ряда книг о Гашеке, Радко Пытлик, — отражается важная черта чешского национального характера: юмор. Склонность к юмористической самоиронии явилась следствием трех столетий иноземного господства и огромной дистанции между реальным бытием народа и великодержавной политической практикой. Юмор помогает маленькому человеку сохранить оптимизм и веру в себя даже в кризисных, безвыходных ситуациях»¹.

Нельзя не согласиться с Р. Пытликом, утверждающим далее, что и для самого Гашека юмор, чем далее, тем более становится не только средством нападения, но и защиты. Не сразу разглядишь в авторе Швейка поэта, проявившего себя в юморе, романтика, всегда остававшегося в гуще реальности нелепой, изжившей себя монархии Австро-Венгрии. В форме игровой клоунады и несерьезно, на первый взгляд, говорилось о самом важном, кристаллизовалось «анонимное, оппозиционное общественное мнение», выражалась мечта, о которой нельзя было говорить открыто. Гашек — поэт, Гашек — романтик, Гашек — очень серьезный писатель.

Многие, кто писал о нем, приходили к выводу, что определяющим в характере писателя были доброта и открытость. Чешский писатель Эдуард Басс сказал: «В Гашеке было два человека — один валял дурака, другой за этим наблюдал. Этот второй Гашек, лицо которого мало кто видел, открыв ничтожность жизни людской, ужаснулся и попытался скрыть ее, заглушить, обойти и обмануть шутками, которые позволял себе тот, первый, Гашек»². Двоичен по сути герой Гашека, бравый солдат Швейк, не спешивший умножать славу австрийского могущества и всячески уклонявшийся от передовой, мудрец, надевший шутовской колпак. Народность, комизм, неприятие фальши — эти черты переданы ему писателем. Много в романе

объяснимо биографией автора, его личностью, но далеко не так много, как может показаться с первого взгляда.

Автор и его герой редко бывают так похожи, но редко это сходство бывает столь обманчиво. Ясно, что Швейк — только одна ипостась автора, которую дополняет вольноопределяющийся Марек, студент классической философии, также прославившийся открытиями на ниве редактирования журнала «Мир животных». Если героя достаточно надежно защищала броня юмора, нередко принимаемого за идиотизм, то автор был уязвим.

Гашек, который мог сказать словами Джона Рида, что «видел рождение нового мира», не успел провести героя и через половину своего пути. Сам же факт рождения нового мира стал определяющим в образе Швейка. Он появился в рассказе Гашека в 1911 году, но только в романе стихийное сопротивление Швейка соединилось с оптимизмом и революционной перспективой.

Чехия наделила Гашека талантом, Австро-Венгрия дала ему вопиющие противоречия как сатирические сюжеты, в России к писателю пришло «второе дыхание», окрылившее его идеей Всемирной Коммуны. Ярослав Гашек провел в нашей стране пять лет, сначала как военнопленный царской России, потом — боец Красной Армии, политкомиссар и партийный журналист, прошедший с Пятой Армией дорогами Поволжья и Сибири. Он проявил энергию и самоотверженность, будучи совершенно незаменимым на пропагандистско-агитационной работе. Здесь он навсегда поверил в пролетарскую революцию и продолжал верить и тогда, когда готовый служить ей вернулся на родину в сложное для пролетарской борьбы в Чехии время. Ему оставалось жить всего два года, трудных, если не самых трудных, в жизни. Но в идеи, выстраданные в России, он верил свято. Как прозорлива была эта его вера, показали последующие десятилетия торжества пролетарской революции.

Не будет преувеличением утверждать, что Швейк, каким он получился в романе, — образ, ставший возможным только после победы социалистической революции. К пафосу отрицания первых рассказов о Швейке здесь присоединяется утверждение. Утверждается не только активная жизненная позиция, направленная на гуманное и разумное преобразование мира, но и вполне определенный, свершившийся результат борьбы. При всем при том Швейк — совершенно неревolutionный тип. Он напоминает героя классической литературы XIX века, «маленького человека». С ним его роднит социальное положение, но не отношение к миру.

Первый в литературной критике романа Гашека с марксистских позиций, научный и по многим аспектам исчерпывающий, был сделан Юлиусом Фучиком в статьях двадцатых годов. В статье «Война со Швейком» (1928), полемизируя с апологетами чешского буржуазного национализма, он утверждает, что Швейк — «это тип международный, тип солдата всех империалистических армий». Далее Фучик доказывает, что этот герой представляет фактически всю свою эпоху: «В современный период империалистических войн, последних колоссальных предприятий капиталистического мира таким типом является солдат, представитель индифферентной массы, не высвободившийся от мещанской идеологии, несущий всю тяжесть этих войн и решающий их исход. Я говорю прямо: решающий, ибо тип Швейка обладает искусством добиться поражения для тех, кто пошлет его в бой. И он добивается поражения не уклонением, а последовательным исполнением полученных им приказов»³.

«Эта книга представляет собой историческую картину определенной эпохи», — сказано в послесловии к первой части романа. Тем самым автор предостерегает от возможного прочтения его книги как собрания анекдотов. Перед нами, однако, менее всего историческая проза, хотя в основе главных ассоциаций — конфликт исторический. Перед нами и не хроника, хотя события в ней достоверные. И уж, конечно, не «легкое чтение», а достаточно сложное, предполагающее работу ума. Пример Гашека еще раз напоминает об известной истине — по-настоящему большое искусство не заигрывает с аудиторией, верно правде, оно с доверием и уважением относится к читателю своей страны, своего времени, тем самым получая возможность обращаться к читателям всех времен и народов.

Развивая традиционную для чешской литературы форму бытового шуточного повествования, Гашек превращает анекдот, лежащий в ее основе, в своеобразный символ определенного состояния общественной жизни. Полный крах системы угнетения и насилия, породившей под занавес дутый чи-

новниче-бюрократический аппарат, который тем окончательнее все запутывает, чем интенсивнее работает. Нарушение и разрушение очевидной целесообразности становится необратимым последствием всякой деятельности, направленной на исполнение приказов, инструкций имперского правительства и генерального штаба. Именно это, как подчеркивал Ю. Фучик, и делает Швейк. Выполняя предписания, пытаясь найти в них хотя бы малую толику смысла, он становится довольно ощутимым камешком в механизме империи. Не зря на вопрос солдата, конвоировавшего Швейка к фельдкурату, не политический ли он, тот отвечает: «Политический, даже очень». Внутреннее неприятие всей системы при внешнем конформизме — его политическая позиция.

Абсурд, а не логика царит во всем. Абсурд — доминирующий художественный прием, «работающий» на разных пластах художественной структуры романа. Гашек современен и в этом, ибо компоненты, создающие эффект абсурда, широко распространены в новейшей литературе. Нагнетание алогичного, постоянное нарушение смысла, абракадабра, все это у Гашека — своеобразное кодирование мысли. «А я думаю, как это здорово, когда тебя проткнут штыком! — сказал Швейк. — Неплохо еще получить пулю в брюхо, а еще лучше, когда человека разрывает снаряд и он видит, что его ноги вместе с животом оказываются на некотором расстоянии от него. И так ему странно, что он от удивления помирает раньше, чем это ему успевают разъяснить»⁴. Это шифр логики или своеобразная форма ее проявления «от противного».

Виртуозно владея ремеслом комедиографа, Гашек применял в романе приемы пародии, фарса, бурлеска, гротеска. Сочетание несочетаемого, тот же классический парадокс, используется Гашеком на свой манер не столько как игра слова и смысла, сколько как игра положений и ситуаций. «Высокое» и «низкое», великое и ничтожное — дистанция между ними иногда менее шага, так коротка, что трудно понять, что есть что. «Убили, значит, Фердинанда-то нашего» — слышит Швейк от служанки и тут же пускается в предположения, перебирая в памяти всех ему известных Фердинандов, один из которых выпил бутылку жидкости для ращения волос, другой собирал собачье дерьмо. А в подтексте — эрцгерцог Фердинанд, волею случая ставший фигурой в истории. В другом месте автор просит читателя не судить Швейка слишком строго: «Если события развернулись не совсем так, как он излагал «У чаши», то мы должны иметь в виду, что Швейк не получил нужного дипломатического образования» (с. 37).

Гашек превосходно пародирует как отдельные жанры (историческая ода, высокопарная заметка в ура-патриотической газете, религиозная проповедь), так и целую эпоху. Ю. Тынянов писал, что в пародии обязательна неувязка обоих планов и что «пародией трагедии будет комедия... пародией комедии может быть трагедия»⁵.

Нет деления на возвышенное и низменное, героическое и повседневное, нет священного трепета при словах «император», «патриот», «отечество». Все привычные святыни доведены до абсурда, и лишь в нем ищет последнее прибежище рвущаяся к независимости мысль. Буржуазная критика нашла в этом повод, чтобы обвинить писателя в кощунстве, отсутствии всего святого. Еще одно поверхностное и нелогичное суждение. Не будь святыни, художник мог бы найти в себе силы, чтобы творить, как, скажем, это делал Кафка. Но для того, чтобы бороться своим творчеством, как Гашек, нужно не просто любить человека, но и верить в него. Другое дело, что всякая попытка пересмотреть сложившийся канон выглядит на первых порах кощунственным нарушением привычного, кажущегося единственно возможным.

Подобно мумифицированным останкам, рассыпающимся в прах, едва коснется их свет и воздух, святыни буржуазной империи не выдерживают простодушия Швейка. Смех, вызванный им, становится сокрушительным и торжествующим. Автор, наблюдающий, участвующий, комментирующий, автор-повествователь, его судьба, эпоха, персонаж — все это сплавляется в единую точку зрения, особую точку зрения Гашека на мировую войну.

¹ Пытлик Р. Гашек: Документальное повествование. — М., 1977, с. 113.

² Цит. по кн.: Pytlik R. Jaroslav Našek. — Praga, 1962, s. 9.

³ Фучик Ю. Избранное. — М., 1973, с. 63.

⁴ Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка. — М., 1967, с. 154. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страницы в скобках.

⁵ Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино. — М., 1977, с. 201.